

Геннадий Копытов

Берёзовый апокалипсис

Геннадий Копытов

Берёзовый апокалипсис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42389469

ISBN 9785449670700

Аннотация

Трудно рассказывать о себе. О далеких, яростных, непонятных, в то время, переживаниях... «Травы детства пахнут сладко-сладко, Остаётся горечь на губах...» Демидов В. Книга содержит нецензурную брань.

Берёзовый апокалипсис

Геннадий Копытов

© Геннадий Копытов, 2019

ISBN 978-5-4496-7070-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О детях, но не для детей.

Друзьям и недругам детства...

«Травы детства пахнут сладко-сладко,
Остаётся горечь на губах...»
Демидов В.

В мае, я кое-как закончил седьмой класс и готовился к отправке в пионерский лагерь.

Мне было 14 лет, и я каждое лето, вот уже 12 раз подряд собирался туда...

Мать воспитывала нас с сестрой без отца, так как, тот находился в постоянных «отсидках», и чтобы хоть как-то отдохнуть, она сплавила нас в пионерский лагерь каждый год, иногда на все лето.

Я знаю, что для многих детей летний лагерь – это беда, для меня наоборот – безмерное удовольствие, счастливая жизненная необходимость и значительная часть моего мировосприятия, впитанного мною «живяху в лесе». Всю зиму я ждал, видел его во сне. Когда был еще в старшей группе детского сада, во всех замороженных стеклах, в самом хаосе морозных разводов, я вдруг узнавал знакомую опушку соснового бора или мрачную дорогу в ельнике. Когда подрос, в 4—5 классах, рисовал неуклюжие пейзажи – все те же поляны и лесные дороги – во всех своих альбомах.

Пионерлагерь «Березка» состоял из двух частей. Северной – примыкающей к мрачному ельнику – там были детские дачи, и южной части, в которой находился собственно пионерлагерь. Южная часть территории выходила воротами на дорогу, ведущую к поселку Архангельский, западная часть – врезалась в березовую рощу. С востока лагерь и детские дачи, прикрывала серая стена смешанного леса.

Впервые я попал в пионерский лагерь (ясельные дачи), когда мне стукнуло аж год и три месяца, все по той же причине – отсутствие папашиной заботы и крайняя бедность нашей семьи. Чтобы как-то нас накормить матери нужно было постоянно работать. Когда я родился, то уже втроем на пособие «по уходу» выжить было невозможно, а папины кви-

танции, «из мест л.», с переводом алиментов то на 1 рубль 38 копеек, то аж на 6 рублей (единственный раз) семейный бюджет не спасали. В три месяца я пошел по рукам родственников по отцовской линии Соколовых. Их развалюха была напротив завода и в обед мать прибегала кормить меня грудью...

Путевки в лагерь мамка получала в заводском профкоме льготные, как мать-одиночка (когда мне было восемь лет – родители развелись), а иногда вообще бесплатные, ко всему прочему она ежегодно побеждала во всяких соцсоревнованиях, была передовиком производства, приносила разные грамоты и медали, в которые, почему-то, не давала нам играть.

Так, что нас было проще, дешевле и спокойней отправить в пионерлагерь. Правда была еще в соседнем подъезде комната школьника от ЖЭУ, и там тоже организовывался бесплатный городской лагерь с кормежкой и кружковскими мероприятиями. Но вечером опять: дом, телевизор, курение, карты «под мелочь» в подвале и прочий досуг пионера. А городская вонь и пылица разве сравнятся с нашей березовой рощей?!

Я обожал пионерский лагерь. До сих пор вспоминаю нежных воспитателей и нянечек на детских дачах...

Мне было годика четыре. В группу к нам пришла удивительная воспитательница – лет девятнадцати-двадцати – Лариса Сергеевна. Красивее ее не было никого в мире. Все мальчишки были в нее влюблены, а она жестоко изменяла нам: каждый день к ней приходил местный механизатор, из поселка Архангельский, в десантной тельняшке – здоровенный колхозник. Говорили, в мае он вернулся из армии.

После завтрака Лариса водила нас в лес. Они с десантником сидели на бревне, а мы – малыши слушали рассказы ее жениха на одеяле.

Он складно заливал нам про прыжки с парашютом, про стрельбу из автомата и т. д. А один раз принес, украденную в армии ракетницу и бабахнул вверх красной ракетой. Другой раз поджег сигнальный патрон. он горел ослепительным фиолетовым пламенем, рассыпая жгучие искры. Конечно же все эти прелести: и стремительно взлетающая между белесых стволов рыжая колючая звезда, и маслянистый бенгальский факел – заворожили нас, но не отвернули от главного. Мы-то понимали, что колхозник подмазывается к нам, чтобы отнять у нас Ларису Сергеевну... Мы ненавидели полосатого колхозника.

Однажды загорелась столовая. Было около пяти часов утра. Лариса Сергеевна вместе с нянечкой вывела нас сонных и напуганных малышей на улицу, подальше от дач, вы-

несли наши чемоданчики. Боялись, что огонь перебросится на другие домики. Мы хоть и дрожали, сидя на чемоданах, и сильно поначалу перепугались, но потом радовались, глупенькие, необычному костру.

Рядом со столовой, с западной стороны, росла березка. Она вся обгорела. Лет пять после пожара листья не росли на ней, потом все-таки пошли мелкие и желтоватые, а потом березка совсем поправилась, но ветки со стороны столовой все подгнили и опали, а росли только одной стороной – от столовой. Стала березка однобокая.

Столовая, собранная из фанерных щитов, полыхала лихо и долго, все никак не догорала. Красная пожарная машина, бампером, завалила последнюю не догоревшую стену, и вверх взлетели миллионы искр. Нашему ликованию не было границ. Мы загалдели: " Ура! Салют! » А Лариса Сергеевна грустно смотрела на нас, всех пытаясь обнять, как суетливых птенцов, и удерживала, чтобы мы не бросились помогать пожарным.

Пожарные баграми растащили головешки и уехали, а мы заскучали. Огненное представление окончилось, стало грустно.

Долго еще посреди лагеря торчал красный прицеп, забытый пожарными, несколько лет. Даже когда отстроили новую

столовую – прицеп и береза все еще напоминали о пожаре.

4 июня.

Колонна пыльных автобусов выплеснула на лесное побережье архангельского леса три сотни мальчишек и девчонок.

Начались «лагерные мытарства».

В 1-ом отряде было много ребят из нашей секции дзюдо и самый фанатичный, среди нас спортсменов, мой друг – Мишка Строгов.

Я решил не выделяться из их среды, и поэтому бросил курить (во всяком случае, на лагерное время). Я продержался аж до июля! Все в угоду Строгову.

Где-то в середине очереди я познакомился с забавной девочкой. Ее звали, кажется, Рита. Она изредка позволяла мне приглашать себя на танцы под баян или на дискотеке. Она была уравновешенная, разумная, спокойная, начитанная. Я часто видел ее на стадионе пионерского лагеря. С книгой в березовой тени она сидела одиноко на трибуне...

На лицо была романтическая натура. Я иногда подсаживался к ней, и мы разговаривали. За давностью лет не помню о чем, но явно не о книгах, так как не знал содержание почти, ни одной книги из школьной программы – мне было недосуг читать, «нужно было гулять» (параллель прямо как у А. Ли-

ханова в «Солнечном Затмении»!).

Ветер сдвигал от нас дырявый навес из листьев, и Рита накрывала глаза ладошкой. Открытая и забытая книга лежала на ее коленях. Когда я приходил и спрашивал: "О чем читаешь?" – чтение тут же забывалось. Юбка цветастого легкого платья обнимала ее крепкие, загорелые детские бедра.

Первый раз я увидел ее там случайно, а потом у меня содалось впечатление, что она специально приходит на стадион, надеясь, что я приду туда же. Мы никогда не договаривались о встрече (она стеснялась, а мне было не обязательно, безразлично). Просто, около двенадцати, я заходил на стадион, а она уже была там. Кажется, я ей нравился. Она мне тоже немножко.

Мне было, отчего-то, скучно в этой очереди. В прошлом году я познакомился в лагере с двумя разбитными чудаками из Москвы. Мы приловчились пить «портвейн» местного разлива и курить «Приму» в лесу за территорией лагеря. Прятали от вожатого спички, сигареты и бутылки. В общем – бластная романтика.

А в этом году такая степенность меня угнетала. Маска была, явно, не по мне.

Некая Женя Лопатько, морочившая в начале смены голову Мишке Строгову, предпочла вдруг деревенского молодца.

Какой-то нонсенс! Спортивного крепыша, отличника променять на прокуренного, заспиртованного погонщика совхозных мулов!?

Все свое раздражение я выместил на Евгении. При каждой встрече выливал на нее помойное ведро грязных ругательств. Мною использовались следующие термины и словосочетания: шлюха, шалава, с вонючим трактористом по кустам валяешься, с меринком совокупляешься и т. д.

Честно говоря, спустя семнадцать лет и сейчас краска заливает мне лицо, мне стыдно за ту травлю. Но прошу учесть: я не был пай-мальчиком, а даже скорее член подростковой дворовой шайки. В общем, этакий гаденыш...

Но именно в это время я уже строчил рассказы, морща лобик и бровки, и что-то пытался анализировать и сочинять. Странно – все это как-то уживалось во мне одновременно, и не конфликтовало...

Даром мне это не прошло. После вечерней линейки, из беседки, я наблюдал как на карусели мальчишки лапают девочек. Заскакивают на ходу в сектор позади них и зажимают, стараясь ничего не пропустить – обычное вечернее пионерское занятие.

Карусель представляла собой трехметровый деревянный

диск на заглубленной оси. Платформа (площадка) диска была разбита на сектора радиальными поручнями из труб. Вот на такой конструкции и маялись дурью школьники.

Я тоже частенько участвовал в этой игре. И всем участникам она, похоже, нравилась. Девочки хоть и визжали и для вида отбивались, но совсем не уходили.

Я думал, глядя на карусель: «А вот, если сейчас придет Рита, я запрыгну позади нее?»

Но Рита на карусель вечером не ходила. Наверное, взяла в библиотеке новую книжку и читала в палате.

Во мне боролись многие чувства: распушенность и стеснительность, слишком идеалистическое отношение к девочкам и полное презрение к ним. Причем это были два пограничных состояния к одному и тому же объекту.

Например: мне нравилась девочка из класса, при встрече у меня холодели руки, заплетался язык, путались мысли, а потом, когда она стала «не против дружить» со мной – осталось одно пренебрежение и сознание какой-то власти над ней. Девочки, которые признавались мне в любви, писали записочки, быстренько смещались в эту сумеречную зону забвения. Доступность обезличивала их. Я переставал видеть их красоту, и не понимал, в чем я ее находил? А когда эти лица доверительно приближались к самому моему носу для

поцелуя – я вообще не узнавал никого, словно накидывали плоские намелованные маски...

Даже сейчас, много лет спустя, я пользуюсь этим тэстом на приязнь к очередной пассии!

Ночью, вплотную, когда она спит, я разглядываю ее лицо!!!

И жду: пробежит ли эта сумеречность безличия?

И если да..., то нет!

Мои созерцания карусели прервала Женя Лопатко. Она привела огромного колхозника лет восемнадцати. Они, как сейчас говорят, «наехали» на меня, заставили извиняться за «шлюху» и прочие скабрёзности. Я был загнан в угол. Молодцу я явно проигрывал в силе и наглости. Я сдался, за свинство надо платить!

Вообще-то у нас с местными давняя вражда из-за всего. Например – проиграла их команда нашей в футбол – матч автоматически переходит в драку, или самого активного игрока местные пинают в кустах.

Особенно лютой была вражда из-за девчонок. Та из них, кто начинала гулять с совхозными, – мгновенно переходила в разряд «предательниц», «подстилок» и блядей.

Напоминаю, что всем нам было тогда всего по 13—14 лет, а тут «здрасти – такие страсти!»

Деление сфер женского влияния обычно выходило не в нашу пользу. Совхозные имели больший успех у девочек, нежели чем мы, так как подкрепляли свой статус материальной базой. По вечерам они приходили на танцы, разодетые в резиновые сапоги, драные джинсы и телогрейки, с гитарами и магнитофонами. Некоторые прискакивали на лошадях, или однокоростных мопедах. У наших бедных дамочек от избытка материальных ценностей кружились головы, и они уносились в поля и леса на «газульках» и кобыльих задах.

У нас же, как у истинных пролетариев, ничего не было, кроме нежных мозолистых рук и влюбленных сердец.

Женю у Мишки отбил на танцах, тоже, какой-то наездник. Потом Е. стала постоянно вращаться с местными и посему пользовалась их покровительством. Я помню, как Михаил подошел ко мне обиженный после того танца:

– Ты запомнил его, Вань?

– Ага!

– Поймаем в Туле, убьем!

– Точно.

Тут откуда-то появился Женькин ухажер, похлопал Строгова по плечу.

– Морячок, не обижайся! – (Мишка всегда носил тельняшку под рубахой) -и ушел.

– А! Зассал!!! торжествовал Строгов по уходу крестьяни-

на.

Что-то сомнительно. Странный эпизод, нетипичный. Единичный! Скорее всего – крестьянский сын совестливым оказался...

***

Однажды, весь день, был сильный дождь, и девочки из первой палаты предложили нам играть в «почту». Кто был в советских пионерлагерях знает какая это волнительная и замечательная игра.

Поясню. Игроки палаты мальчиков и палаты девочек выбирают себе номера от 1 до 10...12 (в зависимости от числа желающих и количества коек в спальне) и пишут записки номерам другой палаты. Поначалу вслепую, наугад. Номеру от номера...

Выспрашиваются всякие «интимные» подробности типа: кто-кому нравится, кто-кого уже любит, есть ли у тебя мальчик (девочка) в лагере (дома, в школе) и прочие интересные вещи.

Записки туда-сюда носит почтальон. Вообще-то он должен быть независимым, но обычно сам вступает в переписку, уже наверняка зная кто каким номером является и имея свои шкурные интересы.

На этот раз почтальоном был наш детсадовский друг – пройдоха Мишка Чекалин.

Поначалу переписка носит строго стихийный характер –

номера выбираются наугад, но обычно потом, почтальон корректирует прицельность попадания.

Я выбрал себе «четвертый» номер. За два рейса Чекалин мне ничего не принес, а большинство мальчишек нашей палаты уже строчили записочки, блаженно глядя в потолок и кусая шариковые ручки.

И я уже было собрался надеть сапоги и провести замер луж у дачи, как вдруг, почтальон принес мне бумажный, сложенный вчетверо, квадратик из листа в клетку; с надписью зелеными чернилами «4 от 12». Я развернул: «Как тебя зовут?»

Я написал: «Гена, а как тебя?» – и отдал Чекалину. Через минуту он принес целую кепку записок.

«Меня зовут Наташа. В каком классе ты учишься, и в какой школе?»

Я честно ответил: «Закончил седьмой класс средней школы г. Тулы. А ты?»

«Тоже седьмой, 52 школа. Есть ли у тебя сестры и братья?»

Ну, это неинтересно, ... Что за Наташа такая инкогнито?

Я написал самый сакраментальный вопрос: «Кто из мальчиков нашего отряда тебе нравится?»

Мне пришел удивительный ответ: «Ты, а тебе?»

Кто же это такая? Наташ в отряде было две.

– Чекалин, кто это «двенадцатый» номер?

Он хитро пожал плечами? «Не знаю...»

Небось читает в коридоре и подсовывает свои.

– Небось знаешь?!

– Не знаю!

Надо было засветить эту «Наташу», и в следующей записке я уклонился от прямого ответа. Не было смысла отвечать, не зная кому я там нравлюсь!

Ответ состряпал такой. «А как твоя фамилия?», забрал записочки у Чекалина и сунулся в девичью палату, но был остановлен дружным визгом. У меня отняли бумажки и вытолкали вон.

– Не шпионь! Чекалина пришли!

Почтальон-самозванец не прошел.

В девичьей палате пахло духами, печеньками и чем-то острым, запретным и таким желанным...

Чекалин несколько раз приходил с пустыми руками. Для меня ничего не было.

Но он ехидно ухмылялся и явно что-то скрывал, зажучивал. Наверняка уже прочитал ответ для меня, набивал цену – будет что-нибудь выпрашивать.

– Геныч, с тебя кило конфет!

– Нету у меня, все уже съел!

– Тогда пляши! Табе пакет!

– Давай сюда!

– Не, пляши!

Со словами: «А сейчас артист Вуячич вам чечетку...» отчубучил смесь цыганочки, лезгинки, чечетки и получил тетрадный конвертик со знакомыми зелеными чернилами. Внутри было всего два слова «Фокина Наташа».

Я обалдел! Это та самая... – симпатичненькая, грудастенная, с полненькой попкой! Я давно заметил ее, но говорили, что она путается с местными и поэтому сразу же исключил из своего списка.

Такого просто не могло быть, чтобы я ей нравился! Бредни! Издевается!

Ведь я весьма странный парень. Чудаковатый. Недаром кличка у меня тогда была «Ваня». Этой кличкой я обязан Краснову Андрею. На «дзю-де» он трансформировал мое имя следующим образом: «Геннадий, Ганадий, Ванадий... Ваня.

Этот выдумщик закончил ВТАУ и возможно где-то постреливает...

Сейчас ВТАУ усилиями «Табуреткина» ликвидировано.

Вообще-то мне нравилась эта моя кличка, не то, что была у меня в детстве «Гендос-Паравос». Эту я люто ненавидел.

А «Ваня» соответствовал моему внутреннему устройству. Действительно, я был «Ванек»! Наверное, и по сию пору остаюсь таковым. Кое-кто из знакомых за глаза и теперь именуют меня «Ваней», думая, что это и есть мое настоя-

щее имя...

Почта выплеснула мне на постель очередное послание.

«Ты мне не ответил! Кто тебе нравится из наших девочек?»

Ответ мой был неоднозначным.

«А ты не шутишь насчет меня?»

«Нет, а ты?»

«И я нет».

Чекалин, почему-то укатывался в ладошку.

– Ну, ты счастлив, Иван?...

– В каком смысле?

– Насчет Натахи?

– Ты что, читаешь, гад?

Мы потолкались в дверях, дружески, борясь, хватая друг друга за руки и талии, потом он убежал за очередной порцией бумажек.

На этом все собственно пока и окончилось, так как бумажные признания никого ни к чему не обязывали. Никто не бросался ни к кому в объятия и не лез целоваться.

Этим вечером, расходясь в коридоре, мы туманно перемигнулись, другой раз, я устроил в этом же проходе свалку и ущипнул Н. за бедро! Та ответила мне мощной оплеухой, после которой я расценил записочное признание как розыг-

рыш, и тут же остыл к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.